

Малышев Дмитрий Аркадьевич, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

e-mail: darkmalyshev@mail.ru

Близняков Роман Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

e-mail: Bliznyakov80@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА¹

Аннотация: статья посвящена малоизученному аспекту исторической географии – проблеме исторического пространства человека средневековой Франции. Авторами обозначаются основные векторы, в направлении которых может двигаться дальше исследователь исторического пространства средневековой Франции. Из множества аспектов темы выделяются внутривосточный, внешнеполитико-культурно-экономический и повседневно-бытовой.

Ключевые слова: историческое пространство, Средние века, Франция.

Malyshev Dmitry, Candidate of Historical Sciences, associate professor of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

e-mail: darkmalyshev@mail.ru

¹ Данная статья написана по итогам программы академической мобильности Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского с использованием инфраструктуры принимающей организации – Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева (РГАУ-МСХА, г. Москва) на базе Центра «Гео- и гидроинформатика» (ЦГИ).

Bliznyakov Roman, Candidate of Historical Sciences, associate professor of
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

e-mail: Bliznyakov80@mail.ru

HISTORICAL SPACE OF MAN OF MEDIEVAL FRANCE: TO FORMULATION OF THE QUESTION

Annotation: this article is sanctified to the insufficiently known aspect of historical geography – problem of historical space of man of medieval France. Authors are designate basic vectors in the direction of that the researcher of historical space of medieval France can move farther. From the great number of aspects themes are distinguished of domestic policy, foreign policy, culture, economy and everyday-domestic.

Key words: Historical space, Middle Ages, France.

Тысячелетняя история человечества (V – XV вв.), от варварски холодных «тёмных веков» до окончания тёплой «осени средневековья», ярчайшее своё воплощение нашла в прекрасном французском королевстве. Формировавшийся и активно развивавшийся феодализм в этот период достаточно сильно повлиял на очертания исторического пространства (имея в то же время и обратное взаимовлияние) французов, начиная от короля, с его территориальными проблемами, заканчивая крестьянином, находившегося в зависимом положении.

В Средние века понятие пространства ещё не было достаточно абстрактным, чтобы стать научным. Слово «spatium» имело иной смысл – протяжённость телесного мира, «промежуток», как отношение тел, объектов; другое слово, «locus», означало место, занимаемое определённым телом и существующее благодаря ему, а не абстрактное пространство вообще. В понимании средневекового общества пространство двойственно. Во-первых, пространство есть нечто возвышенно-сокровенное, хаотическое

неопределённо-сакральное. Во-вторых, пространство есть нечто житейски-реальное, очень конкретное, «явное», мирское, обыденное, практически осуществляющееся и функционирующее, земное, разнообразно организованное (упорядоченное), индивидуальное и разнородное в своей хаотичности [10, с. 39 – 40]. Мы же будем исходить из современного понимания данного термина.

Вопрос об историческом пространстве начинается с внутрисполитического аспекта – формирования самого понятия «Франция», что не кажется таким уж простым. Подтверждением могут быть слова Иоганна Навклера (германский историк, гуманист, первый ректор университета в Тюбингене 1430 – 1510) в 27 главе книги «О происхождении»: «Карл Великий называл себя королём франков, это по сути дела то же самое, что заявить – он именовал себя королём германцев и галлов; ведь хорошо известно, что в те времена вся Галлия, лежащая за Альпами, и Германия, короче вся страна, простиравшаяся от Пиренейских гор до Паннонии, называлась Франкией. Последняя звалась Германией или Восточной Франкией, первая же – Галлией или Западной Франкией» [9, с. 71]. Не добавила много ясности в этот вопрос и Хартия раздела королевства 806 г. [3, с. 167]. Современник Навклера Жан дю Тийе вторил ему: «Французы на самом деле по происхождению германцы» [11, с. 365]. На протяжении многих веков Франция – политическое образование с нечёткими географическими границами и не менее расплывчатой центральной властью.

Скромные размеры владений не давали позже и Гуго Капету возможности осуществлять настоящую власть над его крупными вассалами, которые были гораздо более или так же могущественны, как и он [8, с. 44]. Вопрос исторического пространства Франции осложняется ещё больше, если учитывать все территории, входящие в современную Францию, или входившие в неё на более ранних этапах истории (в том числе, бывшие долгое время спорными, вроде Эльзаса и Лотарингии).

Например, в 640 г. франкские короли в военных целях создали герцогство Эльзас, которое помимо территорий, входящих в эту область в наши дни,

включало в себя дополнительно земли, находящиеся по направлению к Белфору и Берну в горах Юра. Южно-германские короли Гогенштауфены в свою очередь демонстрировали явную заинтересованность в этих территориях, расположенных сразу за левым берегом Рейна. Чисто французские веяния стали проникать в долину Рейна только в эпоху позднего средневековья в достаточно сомнительной форме: «визит» в Верхний Эльзас в 1444 году французского дофина Людовика, будущего Людовика XI, во главе банды головорезов не стал для потомков одним из самых замечательных свидетельств французской славы или гения за пределами её границ [4, с. 23 – 24]. Однако соперничество между Францией и Германией за Эльзас и близлежащую Лотарингию продолжалось вплоть до конца XX в.

Политическое возрождение Франции и территориальные завоевания, которым было положено начало в правление Филиппа I (1060 – 1108), по большей части вытекли из благоприятной экономической обстановки. Состав и географическое положение королевского домена, его примитивное, но без расточительства управление, позволяли королю рассчитывать на все плоды роста [8, с. 67].

Капетингам, сменившим на троне Каролингов, понадобилось три столетия, чтобы, не опасаясь насмешек, называться «императорами в своём королевстве». Они добились этого потому, что в обществе, где обладание землёй являлось единственным источником могущества, они смогли создать более значительный домен, чем домены других суверенов в эту же эпоху, домен, в котором официальный документ, составленный в 1328 г. вследствие довольно точной переписи, насчитывал на тот момент, когда угасла первая капетингская династия 23 671 приход и 2 469 987 дворов, всё, что в территориальном плане переводится как 313 663 квадратных километра. По дошедшим до нас картам исторического атласа Огюста Лоньона мы можем проследить примерное развитие королевского домена [14, с. 129]. Безусловно, вопрос его роста намного сложнее, чем можно предположить, читая карту

исторической географии. В действительности установить его в окончательной точности практически невозможно.

Феодальная вольница Средних веков ещё более усложняет проблему точной установки границ чьих-либо владений, которые часто перекраивались и меняли своих владельцев, примером чего может служить письмо Герберта, секретаря Гуго Капета, королю Арнульфу: «...я принял решение, которое может избавить меня лично из настоящего затруднительного положения и вместе с тем послужить на будущее время примером друзьям. Я переселяюсь и переменяю своё подданство. Освободившись, таким образом, от подчинения вам, я оставляю жалованные мне бенефиции вам и зависти моих недоброжелателей...» [5, с. 217]. Становление французов и Франции, как известно, продолжалось вплоть до конца XV в. и данный вопрос в историко-пространственном его контексте, ещё далёк от своего завершения.

Продолжается вопрос исторического пространства внешнеполитико-культурно-экономическим аспектом – установлением прочных границ с соседями, и прежде всего – Англией, с которой Франция враждовала на протяжении всего средневековья, кульминацией чего стала так называемая Столетняя война (1337 – 1453), одной из причин которой стало желание английской стороны объединить историческое пространство двух стран, правда, очень тесно переплетённых династически и культурно («Анжуйская империя»), в одно политическое (подробнее см. работу Фавье Ж. [15]). Ещё со времени подписания Парижского договора 1259 г. английские короли хотели сделать свой большой аквитанский фьеф аллодом [8, с. 487].

Автор «Слова о восстании Англии и Фландрии» предлагал радикальное решение, чтобы покончить с франко-английским противостоянием: «Да будет море границей и рубежом между Англией и Францией». Пока такая «естественная» граница не была установлена, с 1290 г. эпизодически происходили стычки между английскими и гасконскими моряками – с одной стороны, французскими и нормандскими – с другой [8, с. 444]. Однако, избежать кровопролитного многолетнего конфликта всё равно не удалось.

К войнам родственников добавлялись войны вассалов с сюзеренами, не менее опустошительные и частые. Они наполняют всю историю Франции, ибо вассальные распри включают и борьбу Филиппа-Августа против Плантагенетов и графов Фландрских, и ссоры самих Плантагенетов с баронами своих континентальных владений. Кроме того, они захлёстывают и провинции, ибо во Франции того времени не было региона, который не стал бы театром военных действий вассала или лиги вассалов с сюзереном фьефа [6, с. 243].

Столь же неоднозначно изучение исторического пространства культуры Франции, в частности, по регионам страны, как на раннем этапе, особенно, учитывая особенности языка регионов, синкретивность многих образов изобразительного искусства и архитектуры (например, одноногий человек, изображавшийся иногда на рельефах соборов – воплощение всех тайн Востока, куда не добирался ни один человек со времён Александра Македонского [7, с. 102]), так и в конце средневековья, когда на смену канонам пламенеющей готики приходят стили и формы итальянского Ренессанса. Отличие наступающего Гуманизма во Франции от Гуманизма в Италии – это не столько различие в настроении или стремлениях, сколько – во вкусе и эрудиции. Подражание античности не было столь же непринуждённым занятием для французов, как для тех, кто был рождён под сенью Колизея или под небом Тосканы [16, с. 551 – 552]. Здесь мы сталкиваемся с другой стороной вопроса – историческим пространством самого европейского средневековья и Эпохи Возрождения. В конце XV века восприятие античности во Франции и в Бургундии можно назвать в высшей степени странным [16, с. 553]. Средневековые мастера не различали четко мир земной и мир сверхчувственный, – оба изображались с равной степенью отчетливости, в живом взаимодействии и опять-таки в пределах одной фрески или миниатюры. Все это в высшей степени далеко от реализма в нашем понимании. Напомним, однако, что слово «реализм» – как раз средневекового происхождения, но только «реалиями» в ту эпоху считали такие категории, которым мы теперь в реальности отказываем» [2, с. 9].

Закончить вопрос определения векторов средневекового исторического пространства Франции хотелось бы повседневно-бытовым аспектом, таким популярным ныне. Как отмечал известный исследователь А. Люшер: «При нынешних миролюбивых привычках и нравах, ...очень трудно вообразить себе Францию времён Филиппа – Августа, разделенную на провинции, жители которых представляли собой множество маленьких народов, враждебно настроенных по отношению друг к другу; сами провинции подразделялись на множество сеньорий или фьефов, обладатели которых не прекращали воевать; не только бароны, но и владельцы небольших замков вели замкнутый образ жизни, были вечно заняты враждой со своими сюзеренами, себе подобными или своими подданными; к этому надо добавить соперничество города с городом, деревни с деревней, равнины с равниной, войны между соседями, которые в те времена, кажется, самопроизвольно зарождаются даже от самого различия территорий с их обычаями [6, с. 238 – 239].

Мир Средневековья (в его пространственном отношении), особенно раннего, был для человека любого региона планеты весьма ограниченным. Зачастую обыватель мог прожить свою жизнь, не покидая пределов деревни, города, в крайнем случае, провинции. Пространство же для человека «тёмных веков» – это сложное многокомпонентное и далеко не всегда явное представление, базирующееся, прежде всего, на христианском вероучении, пронизывающем всю его жизнь от рождения до смерти, в его тесной взаимосвязи с более ранними, языческими верованиями, которые еще не ушли в прошлое до конца и формировали своеобразный симбиоз в сознании. [1, с. 40 – 41]. Эдмон Поньон справедливо отмечал: «Жители всех европейских стран всю свою жизнь видели вокруг себя пейзажи, основным элементом которых был лес» [12, с. 33]. «...Леса с незапамятных времен формировали линию границ. Труднопроходимые, они играли для местного населения роль защитного ограждения, так называемой «no man's land», способной сдерживать или отвращать более или менее враждебные действия соседей. Еще во времена 1000 года леса, обрамлявшие Маас по обоим его берегам, одновременно

отделяли земли короля Роберта Благочестивого от Германской империи. Внутри Франции, «на стыке Турени к Анжу, с одной стороны, и Пуату с другой, необработанная и покрытая лесами территория образовывала настоящую границу, разделявшую Нейстрию (Северную Францию) и Аквитанию» [12, с. 38]. Человек в ту эпоху был гораздо больше частью природы, чем сейчас. Зима представляла для него большую опасность.

Французский монах-бенедиктинец, поэт, автор хроник и незавершённой «Истории франков» Аймоин говорил, что морозная пора позволяла людям ходить по скованным льдом рекам. Летальд из Миси сообщал, что во время необычайно холодной зимы Луара покрылась таким прочным льдом, что «по ледяному настилу могли продвигаться не только люди, но и разные повозки», однако, когда два монаха решили переправиться по льду, он надломился в середине реки и они поплыли по воде на льдине. Писатель Адсон рассказывал, как однажды зимой раскисшие болота не позволяли проехать к монастырю, и аббату пришлось молиться о похолодании. ...Послы Роллона (первый герцог Нормандии), отправленные им к одному из английских королей, вообще отказались от зимней поездки: «Нам преградила путь ледяная зима, которая покрыла землю ледяной коркой, заставила печально поникнуть травы и кроны деревьев, сковала бурные реки прочной ледяной стеной <...> Не в наших силах было плыть ни подо льдом, ни по нему». Наконец, Аймоин сообщал о том, как византийский император Маврикий заставил своё войско совершить зимний переход через безлюдные области. Возмущённые этим воины подняли бунт, и император был свергнут.

Зиму сменяла весна, её приход описывался в довольно мажорном тоне. Более тёплая погода и появление молодой травы благоприятствовало поездкам. «Когда зимний холод отступил, и его сменило весеннее тепло, Хлодвиг приехал в Тулузу», – читаем мы у Аймоина. О конце лета и об осени пишет Герберт: «Время года меняется, и добрая земля, долго пустовавшая не по своей вине, приносит чудесные цветы и плоды» [13, с. 108–109].

Ограниченные рамками статьи, авторы не ставили перед собой цель полноценно раскрыть данную тему, на что потребовалась бы не одна монография, учитывая её многогранность и многоаспектность. Наша задача лежит в плоскости обрисовки основных векторов, в направлении которых может двигаться дальше исследователь исторического пространства средневековой Франции.

Список источников:

1. Близняков Р. А. Историческое пространство – феномен истории и константа исторического развития / Р. А. Близняков., Д. А. Малышев // Грамота. – Тамбов, 2017. – № 9. – С. 35 – 43.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
3. Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в Средние века: Сборник документов / Под редакцией А. А. Сванидзе и Г. П. Мягкова. – Казань: ООО «Мастер Лайн», 2002. – 422 с.
4. Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней / Э. Ле Руа Ладюри. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 432 с.
5. Лот Ф. Последние Каролинги / Фердинанд Лот. – СПб.: Евразия, 2001. – 320 с.
6. Люшер А. Французское общество времён Филиппа-Августа / Ашиль Люшер. – СПб.: Евразия, 1999. – 414 с.
7. Маль Э. Религиозное искусство XIII века во Франции / Эмиль Маль. – М.: Институт Святого Фомы, 2008. – 552 с.
8. Менан Ф. Капетинги. История династии (987 – 1328) / Франсуа Менан, Эрве Мартен, Бернар Мердриньяк, Моник Шовен. – СПб.: Евразия, 2017. – 688 с.
9. Отман Ф. Франкогаллия / Франсуа Отман. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 280 с. – (MEDIAEVALIA).

10. Петрушенко Л. А. Повседневная жизнь средневековой Европы / Л. А. Петрушенко. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 367 с.
11. Польская С. А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX – XV вв.) / С. А. Польская. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 496 с. – (MEDIAEVALIA).
12. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Эдмон Поньон. – М.: Молодая гвардия, 1999. – 382 с.
13. Тарасова А. В. Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами ученого монаха Северной Франции X века / В. Тарасова. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 232 с. – (MEDIAEVALIA).
14. Фавтье Р. Капетинги и Франция / Робер Фавтье. – СПб.: Евразия, 2001. – 320 с.
15. Фавье Ж. Столетняя война / Жан Фавье. – СПб.: Евразия, 2014. – 576 с.
16. Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Йохан Хёйзинга. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2013. – 768 с.